

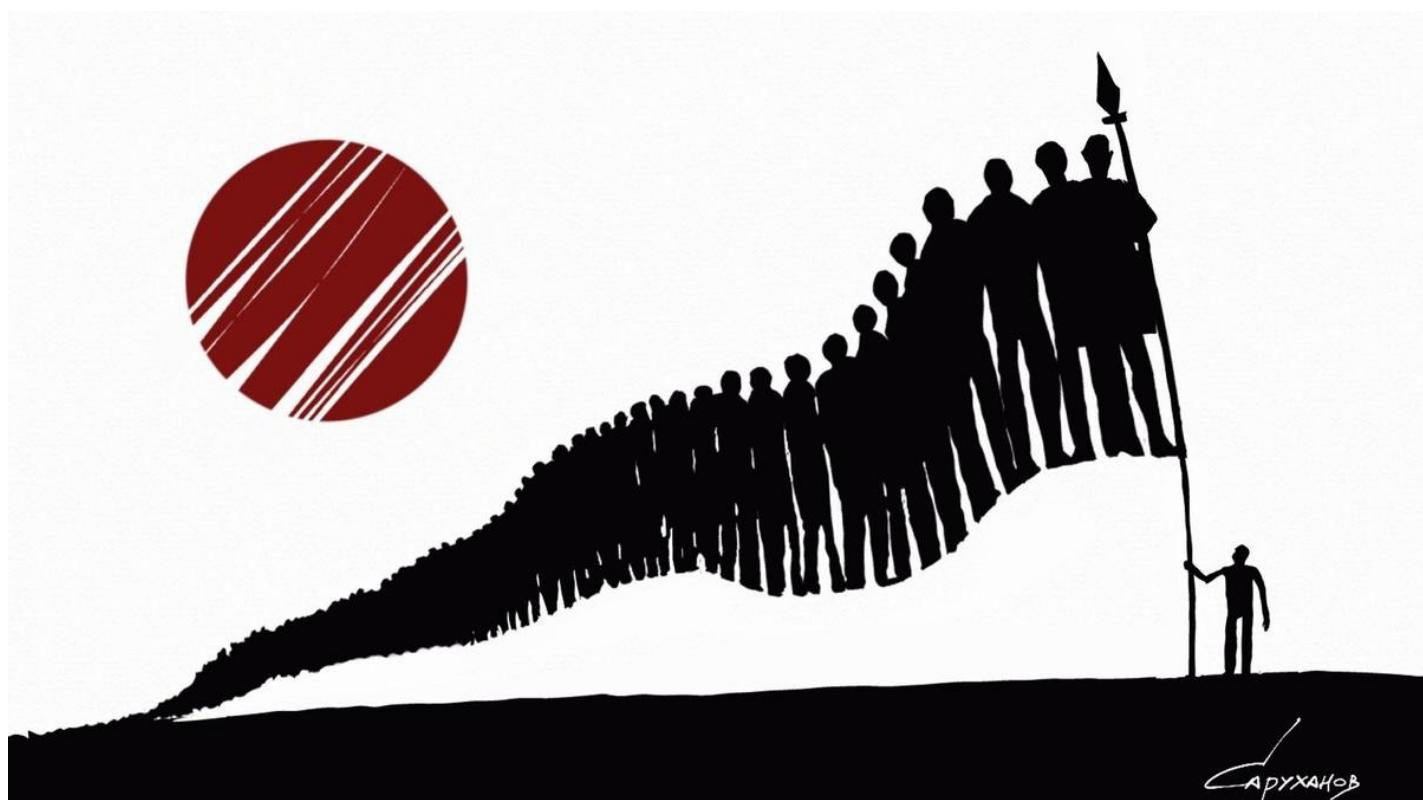

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ • ОБЩЕСТВО

Наши

О зыбких границах «я/мы», «свой/чужой»

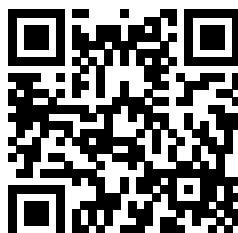

Петр Саруханов / «Новая газета»

07:04, 4 декабря 2024,

Михаил Эдельштейн

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

«Все та же непобедимая мелодия, через столько уже процессов, лишь в вариациях: *ведь мы же с вами — коммунисты!* И как же вы могли склониться — выступить против нас? Покайтесь! Ведь вы и мы вместе — это *мы*!

Медленно зреет в обществе историческое понимание. А когда созреет — такое простое. Ни в 1922, ни в 1924, ни в 1937 еще не могли подсудимые так укрепиться в точке зрения, чтоб на эту завораживающую, замораживающую мелодию крикнуть с поднятою головой:

— Нет, *с вами* мы не революционеры!.. Нет, *с вами* мы не русские!.. Нет, *с вами* мы не коммунисты!»

(Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ»)

Солженицынской цитате больше полувека, она уже и в школьные программы вошла, а понимание ее так и не вызрело. Более того, и сам автор в старости согласился, кажется, на это разлагающее «мы».

Иногда я думаю: как было бы хорошо, если бы правители отличались от подданных цветом кожи или разрезом глаз, да пусть хотя бы носами, волосами, чем угодно. И омоновцы с росгвардейцами тоже. Как в Китае времен династии Юань — наверху монголы, внизу коренное население. И никакого патриотического сентимента — это же наши, как же можно против них, тем более когда внешний враг на пороге.

Двенадцать лет назад вышел роман Александра Терехова «Немцы» о лужковской Москве. Главными героями были целиком погруженные в распилы и откаты чиновники одной из столичных префектур с именами вроде Эбергард и Хериберт. Одного для большей наглядности даже звали Фриц. Никакого объяснения, почему Москвой правят немцы, в книге не было. При чтении казалось, что вот-вот должна возникнуть

мотивировка в духе альтернативной истории. Но автор обошелся без комментариев. Немцы — и всё.

Метафора и впрямь не требовала особых разъяснений. Они — не мы, «немцы», чужие.

Но то в романе. А в жизни — Иваны, Петры, Ахмеды, Яковы. Чтобы представить их «фрицами», нужно ментальное усилие. Это трудно, проще продолжать называть их «мы».

Но ладно власть. С этим многие худо-бедно справляются. А если страна, народ? И главное, где проводить границу? Допустим, с осинами, березами, улицами, зданиями все просто и понятно: наши, мои. Равно как с «Доктором Живаго» или «Евгением Онегиным». Проблема в том, что и власть не дура. Она все время ищет способы втиснуться под одну фигурную скобку со всем вышеперечисленным, продать себя в одном пакете с левитановскими пейзажами и храмом Покрова на Нерли. Что значит — «с вами мы не русские»? Вы что же — против Медного Всадника, плато Расвумчорр, амурского тигра?

Не будем забывать и про коварство языка. Ты произносишь «наша власть», «наша армия», желая продемонстрировать, что смиленно принимаешь свою долю ответственности за их поведение. Но рядом с этой гражданской констатацией тут же возникает что-то эмоциональное, теплое, требующее любви и принятия. Откуда-то немедленно всплывает репортаж Александра Невзорова* «Наши» 1991 года — про вильнюсский ОМОН, борющийся с «буржуазными националистами» за нашу советскую родину, она же великая Россия. Движение «Наши», слепленное Владиславом Сурковым в середине 2000-х. «Своих не бросаем». «Наши мальчики».

Фото: Игорь Иванко / Коммерсантъ

С притяжательными местоимениями есть еще такой странный перевертыш. Согласно определению из учебника, они указывают на лицо, которому принадлежит предмет/вещь. То есть когда человек произносит: «Это моя страна» — формально он заявляет свои права на эту страну, на участие в ее делах, в управлении ею.

Но на деле все наоборот: он сам становится ее собственностью. Твоя страна, говоришь?
Отлично. Так иди умирай за нее.

У всех этих лингвистических тонкостей есть вполне практические последствия. Сколько раз я слышал обиду на перестроечные разоблачения: «Так это что же — наша жизнь зря?» Говорившие могли быть читателями самиздата, слушателями радиоголосов, в советские годы боровшимися с

цензурой и сдававшими деньги на помочь политзаключенным. Но вдруг откуда ни возьмись вылезали эти «мы», «наши» и превращали их из победителей в побежденных.

На современном материале это прекрасно показывает, например, Андрей Колесников*, описывая разговор с попутчицей в «Сапсане». Почти никто из коллег, говорит она, не разделяет ее ужаса от происходящего. Преобладающая логика — «мы не можем быть плохими». И нет аргументов, чтобы переубедить: они позволили включить себя в это «мы» и теперь не существуют отдельно от него. Скованные одной цепью.

Если это и конформизм, то лишь отчасти. В таком поведении многое понятного и общечеловеческого: желание прислониться к какому-то множеству и стать его частью, отторжение негатива о себе и своей группе. Многое воспитанного — окружением, семьей, школьными уроками истории, телевизором, патриотическими роликами в интернете. Наконец, жизнью, языком, который едва ли не целиком состоит из «наших» и «своих».

Юлия Галямина* как-то заметила, что речи эмигрантских политиков отпугивают неопределившихся россиян: «Нейтральное большинство боится этого радикального языка. Им кажется, что он предательский». И это понятно —

«радикальный язык» заставляет отказаться от уютного, размеченного знакомыми вешками мира, перекроить карту, на которой вот тут «наши», а тут «чужие».

Он предлагает пересмотреть многие привычные концепты — хоть то самое «предательство», которое упоминает Галямина.

Есть, например, у Z-общественности любимая обзывалка — «коллаборанты». Новейшим идеологам, конечно, повезло с тем шлейфом, который тянутся за этим словом со времен Второй мировой и власовщины (вспомним «духовного власовца» Солженицына). Ну а если взять в качестве примера белых, ждущих интервенции (то есть просто поддержки со стороны союзников по Антанте)? Эмигрантов, надеющихся, скажем, на новый поход Пилсудского? Или лучше красный террор, коллективизация с последующим чудовищным голодом, ежовщина?

Коллаборант — в переводе значит «сотрудник». Можно ли сотрудничать с врагом? А кто здесь, собственно говоря, враг? Можно ли работать против своей страны? А где кончается страна и начинается режим? Может ли патриот желать своей стране поражения? А если он считает, что это пойдет ей на пользу, заставит одуматься и измениться — короче говоря, что именно в этом и состоит ее стратегический интерес?

В конце августа 1991-го мы с приятелем догуляли до Лубянки, и я, указывая на пустой постамент памятника Дзержинскому, высказал что-то юношески-прекраснодушное про необратимость перемен. «Необратимыми они станут, когда на этом постаменте будет стоять памятник Пеньковскому», — возразил мой приятель.

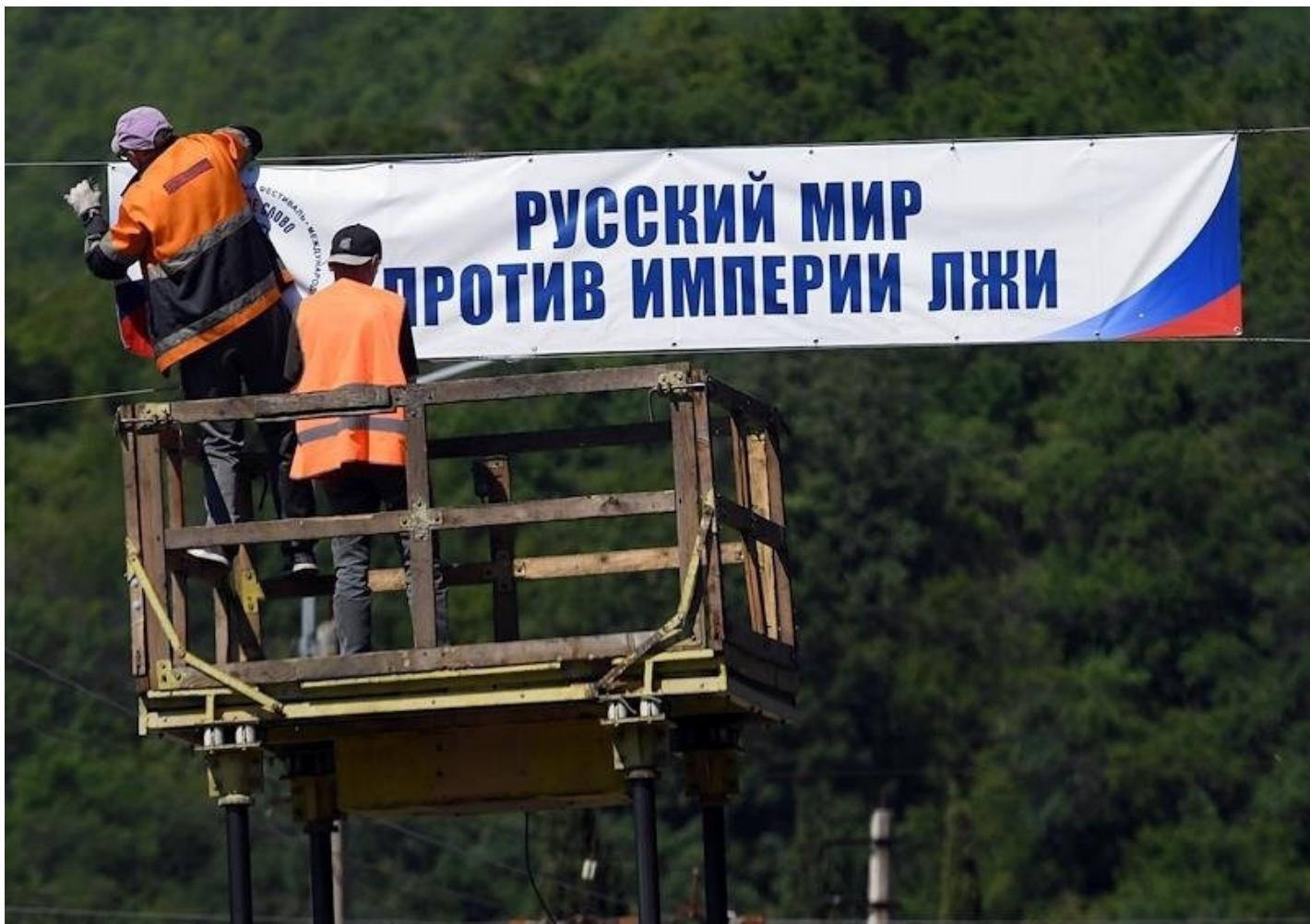

Фото: Виктор Коротаев / Коммерсантъ

Прошло много лет. От памятника Пеньковскому Россия дальше, чем когда-либо. Но ведь даже в самые антисоветские периоды новейшей истории России у самых радикальных людей и мысли такой не возникало, по крайней мере, вслух не произносилось. Кто герой России: Пеньковский или Конон Молодый (тот самый, на которого через несколько лет после расстрела Пеньковского обменяли его британского связного)? Пеньковский — или Рудольф Абель? Конечно, Абель и Молодый. И Банионис в «Мертвом сезоне». Они разведчики. Наши разведчики. А Пеньковский — ихний шпион и предатель.

И так было всегда, в любой момент постсоветской российской истории, на всех ее извивах и поворотах. Хотя, казалось бы, Пеньковский как мог приближал демократическую революцию 21 августа, «Детей Арбата» в «Дружбе народов» и программу «Взгляд» по центральному телевидению. А Молодый с Абелем — наоборот. Но они работали на родину, а он против, и все тут.

А сколько сопротивления вызывает до сих пор даже у специалистов мысль об участии иностранных спецслужб в финансировании — прямом или косвенном — издательств, печатавших тамиздат, и в продвижении «антисоветских» писателей? Какой-то внутренний барьер, табу — не хотим об этом думать и говорить, некомфортно.

Но если советская власть Мандельштама и Гумилева не издает, а благодаря ЦРУ ты их читаешь, то почему бы не сказать спасибо ЦРУ? И вообще: враг моего врага — мне пусть не друг, но попутчик. Но КГБ — наши, а ЦРУ — нет.

Был такой героический американский военный моряк Стивен Декейтер. В 1816 году на торжественном банкете в свою честь он произнес тост: «За нашу страну! В отношениях с другими странами пожелаем ей быть всегда правой; но, права она или нет, это наша страна». Скорее всего, Декейтер говорил не дословно так, но нечто близкое по смыслу. В любом случае в историю его фраза вошла именно в такой версии.

Любопытно, что почти вся дальнейшая история бытования этой цитаты — это история ее критики. Узнав из газет о тосте Декейтера, будущий президент США Джон Куинси Адамс писал: «Я не могу просить небеса даровать успех даже моей собственной стране в деле, где она может быть не права». В конце XIX века популярную формулу откорректировал сенатор Карл Шурц: «Если наша страна права, мы поддержим ее в этой правоте, если не права — надо ее поправить». «Если на флаге пятно, ему не следует оказывать почести, даже если это наш флаг», — говорил Марк Твен. Ему вторили европейские интеллектуалы самых разных взглядов, от католика-консерватора Гилберта Кита Честертона до атеиста-социалиста

Бертрана Рассела.

Но несмотря на столетия критической рефлексии, такая позиция сохраняла свою притягательность и в Первую мировую, и во Вторую. Под знаменитым письмом 93 немецких ученых и писателей от октября 1914-го в защиту «правого дела Германии в навязанной ей тяжкой борьбе за существование» — подписи Вильгельма Рентгена, Макса Планка, Пауля Эрлиха, Герхардта Гауптмана. И после 24 февраля немало вариаций на тему Декейтера появилось в соцсетях, в том числе у крупных российских гуманитариев.

Это не влияние пропаганды, это инстинкт. Его не перебить контрпропагандой. Систематическая работа, наверное, могла бы его чуть ослабить, но какая же власть откажется от такого ресурса. Мечтать о мире, в котором нет этой фальш-патриотической риторики, стремления слиться со «своими», неразличения страны и политического режима, — утопия. Но в антиутопическую эпоху строить утопические вселенные — один из немногих доступных способов терапии.